

А. Н. РЕЙНСОН-ПРАВДИН

ИГРА И ИГРУШКА НАРОДОВ ОБСКОГО СЕВЕРА

(Социальные корни игры)

Игра и игрушка являлись и являются объектами изучения самых различных областей науки: этнографии, психологии, педагогики, искусствоведения, археологии. Вопросы игры и игрушки привлекали к себе внимание крупнейших мыслителей разных эпох: Локк, Руссо, Чернышевский, Белинский указывали, какое большое место в жизни ребенка занимают игры и игрушки, подчеркивали огромное значение игры как средства воспитания.

В XIX в. существовало несколько теорий игры, имевших большое значение для дальнейшей последовательной разработки этого вопроса учеными XX столетия. Наибольшее число приверженцев имела теория Спенсера, трактующая игру как деятельность ребенка в результате избытка его сил. Спенсер полагал, что игра не ставит себе какой-либо практической задачи; ребенок расходует избыток энергии на действия, не имеющие утилитарного значения. Затрата сил оправдывается полученным в процессе игры удовольствием¹. Бюхер считал, что «игра старше труда, а искусство старше производства полезных предметов»². Карл Гроос под влиянием учения Дарвина указывал, что теория Спенсера упускает из виду биологическое значение игры. Сам Гроос, исследовав природу игр животных и человека, пришел к выводу, что человек в молодости не потому играет, что он молод, а молодость дана человеку для того, чтобы играть; в игре он приобретает навыки и знания, упражняется, готовя себя к будущей жизни, поэтому игра необходима для высшего развития человека³.

Насколько глубоко пустила корни теория Спенсера, видно из высказывания М. Ферворна: он называет игрой «всякое занятие, которое непосредственно или ассоциативно вызывает приятные ощущения, представления, мысли и чувства, не преследуя при этом никаких особых целей и не служа никакому непосредственно жизнеохраняющему инстинкту»⁴.

Не избежал влияния этой теории и Г. Плеханов. Критикуя с позиций материализма концепции Спенсера, Бюхера, Вундта и др., Плеханов совершенно правильно указал, что Гроос, увлекаясь биологизмом, не заметил социологического значения игры. Базируясь на основном положении марксизма — бытие определяет сознание — и приняв за исходное положение, что труд — «первое основное условие всей человеческой жизни»⁵, Плеханов опроверг ложное представление об игре

¹ Г. Спенсер, Основания психологии, т. IV, СПб., 1876, стр. 330 и сл.

² Бюхер, Происхождение народного хозяйства, СПб., 1898, стр. 93—94.

³ К. Гроос, Душевная жизнь детей, гл. «Игра как средство естественного самовоспитания детей», Педагогич. библиотека под ред. Нечаева, вып. IV, СПб., 1906; K. Groos, Die Spiele der Tiere, 1895; его же, Die Spiele der Menschen, 1899.

⁴ М. Ферворн, Речи и статьи. 1910, стр. 251.

⁵ Ф. Энгельс, Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека, Госполитиздат, 1948, стр. 134.

из искусства труда и искусства: «Труд старше искусства... Человек ~~сначала~~ смотрит на предметы и явления с точки зрения утилитарной и ~~только~~ впоследствии становится в своем отношении к ним на эстетическую точку зрения». «Игра есть дитя труда». «Труд предшествует игре и определяет ее содержание». Игра ~~связана~~ с утилитарной деятельностью, «необходимой для поддержания жизни отдельных лиц и всего общества»⁶.

Однако Плеханов не смог полностью выявить материалистическое понимание игры и дать до конца четкое марксистское определение ее. Он также пришел к утверждению, что игра возникает вследствие стремления «снова испытать удовольствие, причиняемое употреблением в дело силы, и чем больше запас силы, тем больше и стремление к игре»⁷. Тем самым Плеханов снова пришел к буржуазной теории игры «от избытка сил».

На основе спенсеровских идей профессор Палермского университета Д. Колоцца пришел к выводу, что «бедные, бессильные, необразованные народы» (не обладающие «избытком сил!» — А. П.) «играют мало или совсем не играют»⁸.

Для мыслителей-идеалистов Запада, абстрагирующих искусство и игру, являлось вполне понятным рассмотрение их изолированно от материальной жизненной среды, в качестве явлений, развивающихся «самостоятельным путем», вне конкретной зависимости от практической деятельности человека. Эта концепция давала возможность рассматривать игру, во-первых, вне связи с историческим процессом, во-вторых, вне связи с материальным объектом в виде игрушки.

В России, не имевшей фабричной игрушечной промышленности, интерес к истории игрушки начал обнаруживаться в 90-х гг. XIX столетия и направлялся главным образом на изучение народной кустарной игрушки. Здесь необходимо отметить стремления группы передовой интеллигенции — художников, педагогов, этнографов и писателей — связать корни народной игрушки с «переживаниями», «судьбой» и «чаяниями» русского народа, а также первые попытки уловить социальную связь игрушки с различными областями культуры. Большим вниманием при этом пользовалась так называемая «этнографическая» игрушка, знакомство с которой (в большей части по материалам зарубежной литературы и частично по коллекциям русских музеев) привело к созданию очень прочно укоренившейся формулы: «игрушка — зеркало быта; игра и игрушка отражают быт народа». Формула эта жива и в наши дни, ее можно найти почти в каждой статье по игрушке; на самом деле она не настолько верна, как это кажется с первого взгляда, — игра и игрушка, конечно, не могут отразить всего бытового уклада. Кроме того, у детей очень часто можно встретить игрушки, сделанные по типу вещей, давно уже не играющих в быту взрослых никакой роли. В играх детей встречаются также вещи, заимствованные взрослыми у другого народа, у другого племени. Присутствие их у детей говорит о возникшем у народа интересе к данному предмету, но отнюдь не всегда указывает на бытование последнего у данного народа. Все это говорит о том, что эта формула не дает правильного определения сущности игры и игрушки. Правильнее полагать, что игрушка, будучи сложным явлением не только материальной, но и духовной культуры, как и игра, может и должна отражать процессы исторического развития общества, его экономическую структуру и идеологию.

Неверное, идеалистическое толкование общественных явлений, рас-

⁶ Г. Плеханов, Письма без адреса. Письмо третье. Соч., т. XIV, стр. 56—73. Разрядка наша.— А. П.

⁷ Там же. Разрядка наша.— А. П.

⁸ Д. А. Колоцца, Детские игры, их психологическое и педагогическое значение. М., 1911, стр. 25.

смотрение духовной и материальной культуры вне учета законов развития человеческого общества, биологическое и психологическое толкование исторического процесса,— все это и сейчас свойственно буржуазной науке Запада и является в руках прислужников капитала орудием в борьбе против материализма. Весь этот «научный» багаж требовал и продолжает требовать острой и своевременной марксистской критики со стороны советской науки, в самых различных ее областях. Одной из серьезнейших задач является рассмотрение социологических теорий игры, необходимое для того, чтобы на основе правильной критической оценки их выработать марксистское определение игры и ее сопровождающего — игрушки, т. е. выявить их социальную значимость, найти те социальные корни, которые обусловили их развитие, выяснить функции игры и игрушки и их взаимоотношения с другими явлениями материальной и духовной культуры человеческого общества на разных ступенях развития. Эту задачу и ставит наша работа, так как совершенно очевидно, что в решении ее основную, решающую роль должны сыграть материалы, собранные общественно-историческими науками, главным образом этнографией.

Украины царской России населяло много народностей, сохранявших вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции пережитки родового строя, обусловленного их натуральной хозяйственной базой, примитивными формами труда охотников, рыболовов, скотоводов-кочевников. Таковы народы, занимающие территории Севера, Дальнего Востока, Алтая и т. д. Изучение игр и игрушек этих народов подводит нас к пониманию социальных корней игры и функций игрушки в эпоху древнейшей формы человеческого общества — родового строя.

Игрушки народов Севера — наиболее известны. Издавна установилось мнение об их «бедности», «нехудожественности», «модельности», подкрепляемое «доводами» о «бедной и жалкой» природе Севера, о «скудной» жизни северных народов и их нищете, якобы не располагавших детей Севера к играм и забавам. Эти суждения целиком вытекали из старой теории игры «от избытка сил». Поэтому в основу анализа мы положим материал по наиболее известным народам Севера — хантам, манси и ненцам. Данные по другим народам будут служить сравнительным материалом, подтверждающим наши суждения и выводы.

Обширные и богатейшие земли Сибири и Дальнего Востока были издавна объектом русской колонизации. Недра их богаты ископаемыми, воды — красной рыбой, леса — ценнейшим пушиным зверем. Покорение «диких инородцев», плативших ясак белкой, горностаем, соболем, черной и чернобурой лисой и прочими «великими и безмерными драгоценностями», «яже инные Европейские государства не имеют», принесло огромные выгоды⁹. Правильное использование богатств Севера могло бы сделать эти окраины неисчерпаемой сокровищницей русского государства. Однако царские воеводы, служилые люди, купечество и промышленники были гораздо более заинтересованы личной наживой: и в Сибири, и на ее северных окраинах процветали хищническое истребление пушного зверя, спаивание и грабеж коренного населения.

Если согласиться с теорией игры «от избытка сил» и с формулой «бедные, бессильные, необразованные народы играют мало или совсем не играют», то на основании фактов, говорящих о тяжелом экономическом положении поработенных народов Севера, можно сделать лишь один вывод: дети обреченных на поглощение империализмом народностей не могли быть расположены к играм и игрушкам, имея слишком малый, истощенный запас жизненных сил.

Однако даже при поверхностном знакомстве с этнографическими

⁹ Гр. Новицкий, Краткое описание о народе остячком. 1715 г. Новосибирск, 1941, стр. 29. 32

собранными в разных местах Севера в период 1880—1915 гг., бросается в глаза обилие игрушек, что явно стоит в противоречии с приведенными данными о положении народов Севера в эти тяжелые для них годы¹⁰. Это положение в корне противоречит теории игры «от избытка сил». Что касается мнения о «бедности» игрушки северных и других народов одинакового с ними уровня культуры, то его опровергает весь нижеисследующий материал.

Эпос народов Обского Севера¹¹ дает указания на то, что игры с давних пор занимали большое и почетное место в жизни хантов, манси и ненцев. Они заключались в стрельбе в цель из лука, в прыганье через высоко натянутые между столбами ремни, в метании колец или камней на дальность расстояния и силу броска. Часто игры принимали характер состязаний, в которых участвовали и мужчины, и женщины, и старики, и старухи,— например перегонки, или бега. У всех народов-оленоводов существовало много вариантов игры «в оленя». В дни празднеств проводились состязания на быстроту оленьего бега и ловкость в управлении оленьей запряжкой. Большой любовью пользовались игры-соревнования в силе, когда участники поднимали по очереди тяжести или друг друга «ломтем» или пытались сдвинуть один другого с места, встав на четвереньки и потягивая ремень, надетый на шею обоим соревнующихся (игра «в выдру»), а также игры в мяч, имеющие множество вариантов и занимающие большое место в быту всех народов Севера¹².

Эти и подобные им игры жили и живут также и в быту детей. Не связанные в основном с игрушкой, они являются фундаментом физического воспитания ребенка севера. На севере, выполняя любую работу, человек всегда должен упорно бороться за свою жизнь. Северная природа требует от него осторожности, ловкости, терпения и выносливости. Однако, хотя географическая среда и влияет на развитие общественной жизни, но главной силой «в системе условий материальной жизни общества, которая определяет физиономию общества, характер общественного строя, развитие общества от одного строя к другому, ... исторический материализм считает способ добывания средств к жизни, необходимых для существования людей, способ производства материальных благ— пищи, одежды, обуви, жилища, топлива, орудий производства и т. п., необходимых для того, чтобы общество могло жить и развиваться»¹³.

В условиях сохранившегося у обских народов патриархально-родового строя труд мужчины и женщины был четко разграничен. На женщине лежало домашнее хозяйство, пошивка одежды, выделка кожи и меха, изготовление берестяной и лубяной утвари и т. п. Все основные промыслы — охота, рыболовство, оленеводство — находились в ведении мужчины; он являлся владельцем производственного имущества и материальных ценностей, доставляемых промыслами. Лишь после Великой Октябрьской социалистической революции женщине открылась возможность стать активной участницей промыслов.

¹⁰ Так, в коллекционном материале по ненцам мы находим игрушки в собраниях А. В. Григорьева (Новая Земля, 1887), Е. Н. Ледкова (Б. Земельская тундра и Арханг. губ., 1903), А. В. Журавского (Арханг. губ., Печорский край, о. Вайгач и Малоземельная тундра, 1906—1907), Б. М. Житкова (Ямал, 1908), Чупрова (о. Колгуев, 1913) и др. У манси: Н. Л. Гондатти (1885), Иловайского (1907); у чукоч — Гондатти (1898); у коряков — Иохельсона (1910—1911); у хантов — И. Н. Шухова (1914) и т. д.

¹¹ Народы Обского Севера — ханты, манси и ненцы обитают в районах нижнего течения р. Оби и полуострова Я-мала, ныне объединенных в Хансы-мансийской и Ямало-ненецкий национальный округа.

¹² Мячи есть у якутов, эвенков, коряков и др. Семушкин пишет о чукчах: «Нерадко в полярную ночь при свете луны чукчи проводят за игрой многие часы» (Семушкин. Чукотка, Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1941 г., стр. 110—112).

¹³ Бразильский курс истории ВКП(б), 1938 г. стр. 114.

Русские поселенцы — сосланные крепостные и трудящееся промышленное население, поддерживавшие «инородцев» в неравной борьбе с грабителями — купцами и чиновничеством, во многом содействовали культурному развитию обских народов, постепенно приучая их к оседлому образу жизни, земледелию, к постройке теплых и удобных жилищ. Перенимая у аборигенов-охотников их знания природы, повадок животных, умение выследить и добыть зверя, русские часто объединялись с ними в добровольные промысловые артели, учили их владеть огнестрельным оружием и содействовали оснащению их промыслов.

Овладение животным, являющимся непосредственным источником существования, находящимся при этом в непрерывном сопротивлении охотнику, — задача сложная, требующая упорства, напряженного внимания и целеустремленности. Отсюда — постоянный, напряженный интерес охотника к животному и к природе, в которой оно существует, интерес, основанный на необходимости разрешить важную производственную задачу. Игры, направленные на развитие физических качеств, являлись прежде всего необходимой тренировкой для повседневного труда охотника, рыболова, оленевода.

Просматривая коллекции игрушек, собранные у народов Обского Севера, мы видим, что это разделение труда в быту и сейчас еще отражается на игрушке. Большая группа игрушек характеризует игровую деятельность мальчика, прямого участника и наследника промысловой деятельности отца. Внутри этой группы игрушки очень ясно делятся на три раздела: игрушки мальчика-охотника, игрушки мальчика-оленевода, игрушки мальчика-рыболова (рис. 1—10). С помощью этих игрушек разворачиваются и соответствующие игры, имеющие ярко выраженный производственный характер.

Самой любимой и действенной игрушкой являлся лук. В сказках обских народов очень часто встречается указание на игру с луком в самом раннем детстве: «Эква-Пырищ с теткой живут. Эква-Пырищ в ту пору еще мальчиком был. Подрастать стал, бабка ему лук сделала, стрелы сделала. Эква-Пырищ близ дома бегаёт, играет. Так, играя... зверька увидел. Стрелу пустил, убил»¹⁴. Эти лаконичные строчки мансийской сказки прекрасно вскрывают, как впервые через игру ребенок опознает трудовую деятельность, предназначенную ему его народом, родом, семьей.

Если первый лук делался для ребенка взрослыми, то в 6—7-летнем возрасте он уже сам пробовал изготовить себе лук и стрелы. Это раннее приучение к овладению и собственноручной поделке оружия вынуждалось и той сложностью, какой отличались луки обских народов.

Обычно детский лук изготавливается из одного слоя дерева. Но пока ребенок растет, лук-игрушка переделывается несколько раз с учетом детских возможностей. Постепенно усложняясь, он становится в руках ребенка самым подлинным оружием, приспособленным для его самостоятельной деятельности, с помощью которого он может добывать мелких зверьков (бурундуков, белку) и птиц. К 10-летнему возрасту мальчика лук усложняется настолько, что отличается от луков взрослых лишь своим размером.

Не менее важным было приучить ребенка к обращению со стрелами. Игрушки-стрелы делаются с точным расчетом их тяжести и величины по отношению к луку и детской руке. Ребенок овладевает изготовлением стрел, играя, «пристреливаясь»; слишком тяжелая стрела падает, а легкая — плохо борется со струей воздуха (рис. 1, 2, 4).

Навыки, полученные в раннем возрасте в процессе игры, закреплялись отцами путем специальных занятий по стрельбе в цель со старшими мальчиками. Из источников известно (1815 г.), что ханты устраи-

¹⁴ В. Н. Чернецов, Вогульские сказки. Гослитиздат. 1935, стр. 171.

зани в лесу цель, в которую учили «своих детей стрелять из лука, чтобы скорее могли убивать зверя»¹⁵. На сто лет раньше, в 1715 г., Гр. Новиков писал об остяках: «сих бо убо хитростей («стреляние зверя, ловление птиц, рыб») и чада своя изучает и от младых ногтей принавлекают я к стрелянию из лука убивати зверя, и ловлению птиц, рыбы обучают их»¹⁶.

По рассказам стариков-хантов с Казыма, записанным автором в 1938 г.¹⁷, их отцы так же занимались с ними в детстве, но чаще всего эти примитивные и нерегулярные занятия превращались в очень веселые и азартные игры-соревнования с обоюдным участием взрослых и мальчиков. Эти игры широко были распространены до революции у народов Севера и очень сходны в своих вариантах. Ружье, получившее распространение с приходом русских на север, постепенно вытесняло лук и стрелы. Особенно быстро привилось оно у ненцев, занимавшихся морским зверобойным промыслом. Однако царское правительство не торопилось вооружать коренное население, помня жестокие освободительные войны, а покупка ружья у купца обходилась слишком дорого; вследствие этого луки еще незадолго до Великой Октябрьской социалистической революции были в ходу на Оби по урманам, в районах птичьих промыслов, главным образом у хантов¹⁸. Фактически лишь советская власть дала возможность каждому охотнику вооружиться ружьем и припасами и окончательно положила конец боевому луку.

Идеалом каждого мальчика нынешнего Обского Севера стала двуствольная или одноствольная «переломка», выпускаемая Тульским и Ижевским заводами. Воссоздавая в игрушке, сделанной из доски, переломное ружье, мальчик не требует от него боеспособности. Играя с ним, он осваивает приемы обращения с неизвестным ему дотоле оружием и добивается того, чтобы его деревянная «переломка» действительно переламывалась и запиралась не хуже «Ижевки». Но лук и стрелы и сейчас остаются незаменимыми игрушками, так как они дают возможность ребенку иметь наглядный результат его игры, его устремлений, конкретизирующий его силу, ловкость и самостоятельность.

У маленького ребенка среди игрушек всегда есть куски сети, старые капканчики, части ловушек и прочие мелочи, открывающие перед ним мир охотника. Сперва его забавляет уловленное движение механизма ловушки, затем начинает интересоваться его назначением. Отдельные части он обыгрывает, как целый капканчик, лова в него воображаемого зверя. Мать или отец показывают ему правильное устройство ловушки и делают ее ему в миниатюре¹⁹. Главное назначение такой игрушки — служить образцом для самостоятельного творчества: ребенок начинает мастерить ловушку сам, стараясь осмыслить и освоить технику заинтересовавшего его предмета, стремится всеми силами к полному овладению вещью. Затем идет последовательное развитие вещи (при помощи взрослых), приспособляемой к возможности ребенка, до тех

¹⁵ Отрывки из замечаний о Сибири одного из бывших в оной прежде иркутским, а потом тобольским губернатором. Дух журналов, ч. II, 1815, стр. 41.

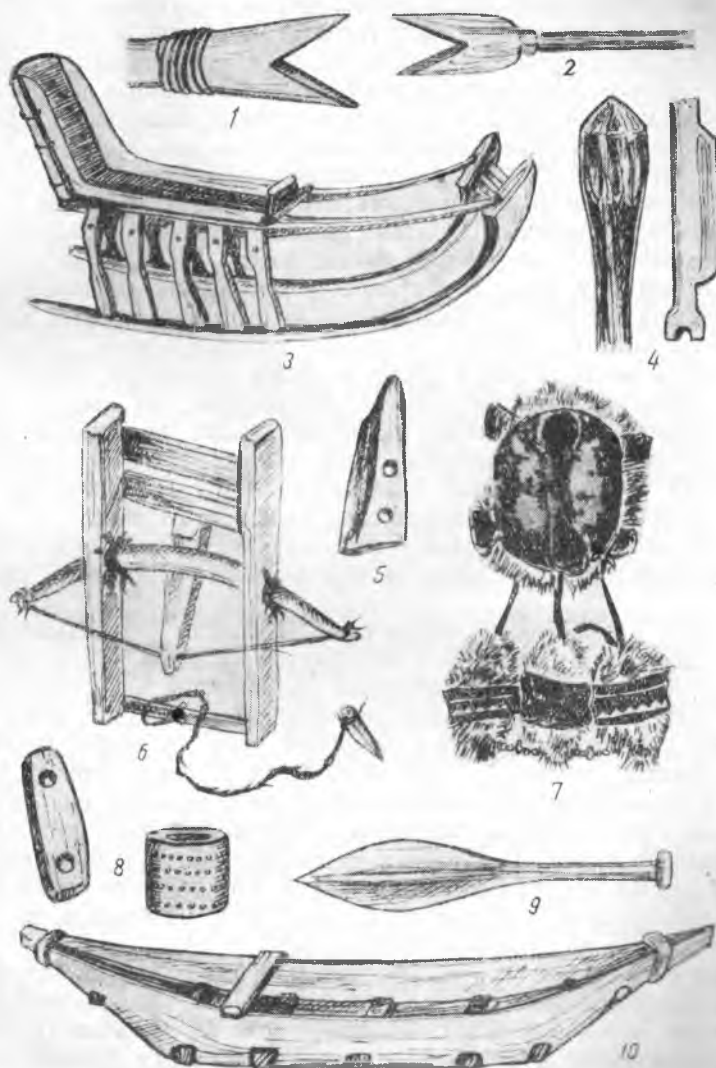
¹⁶ Гр. Новиков, Указ. раб., стр. 43.

¹⁷ Пендыхов — юрты Ропатские; Вогалев — юрты Кислор, Казым.

¹⁸ В 1909 г. ненцы за кремневое ружье отдавали до 10 оленей (см. Б. М. Житков, Полуостров Я-мал, 1913, стр. 214). Гр. Дмитриев-Саловников (Лук ваховских остяков и охота с ним, Ежегодник Тоб. музея, вып. XXIV, 1914, стр. 22) в 1914 г. писал: «Лук со стрелами... его еще и в наши дни современное охотничье ружье не может вытеснить совершенно. Пройдет десятка два-три лет, охота с боевым луком сойдет в область преданий, ружье вытеснит его. Сторожевой еще лук, не требующий упражнения в стрельбе, надеется пережить своего собрата».

¹⁹ Отсутствие изучения коллекций национальной игрушки в наших этнографических музеях привело к тому, что большинство подобных детских игрушек попало в рубрику «моделей». В Музее народов СССР даже вещи, явно сделанные неумелыми руками самих детей, числятся по описям «моделями».

пор, пока она так же, как и лук, не станет в руках ребенка настоящим, действенным орудием (рис. 6). Народы-охотники воспроизводят в игрушке все те же качества, которые свойственны настоящим орудиям охоты. Капканы, чирканы, самострелы, предназначенные для добычи

1, 2 — детские деревянные стрелы на птицу; казымские ханты, 1937; 3 — игрушечные нарты, дл. 45 см; Казым, 1937 (собрание автора, Музей игрушки); 4 — детская деревянная стрела на мелких зверьков, дл. 60 см; остяки Березовского уезда, 1912 (колл. Терешкиной, № 7473, Музей народов СССР); 5, 8 — костяные оленьи недоуздки, сделанные школьником-ненцем Тазовской тундры (колл. № 24/12 Музея народов СССР); 6 — лучок на мелкого зверька — игрушка мальчика-ханта; Казым, 1937; 7 — оленья запряжка — ямальские ненцы, 1908; натур. вел. мехового оленя — 12 — 14 см дл. (по Житкову); рис. 9, 10 — весло и лодочка; Казым, 1937 (собрание автора)

животного, должны быть предельно скрыты от его глаза. Украшение этих орудий нанесло бы непоправимый ущерб деятельности охотника. Украшение подобных игрушек, имеющих цель познакомить ребенка с назначением орудий промыслов, привело бы ребенка лишь к полной

дизориентации, а игрушка потеряла бы свое смысловое значение. Отсюда — кажущаяся бедность такой «промысловой» игрушки. В то же время народы-охотники создают и художественную игрушку, имеющую свои особые функции.

С раннего возраста ребенок получает в руки нож, учится работать топором. При таких условиях понятно, что в игрушках детей Севера трудно найти нож или топор, выструганные из дощечки, как это делают народы другой культуры, когда ребенок не имеет раннего приучения к этому виду оружия. Небольшого размера недейственные вещи, которые не дают желаемого результата в игре, например: маленькие деревянные ножнички, копьеца, которыми нельзя резать и колоть, маленькие луки и стрелы, негодные для стрельбы, — у народов охотничьей культуры чаще всего оказываются вещами, причастными к культу; их вешали или у колыбели, или на священных деревьях в виде бескровной жертвы боже-ству, чтобы оно сделало ребенка бесстрашным, удачливым охотником.

Мы не находим у детей в игрушках и маленьких «кукольных» лыж, так как ребенок получает лыжи буквально с того возраста, когда еще только учится ходить. Размеры их самые разнообразные, соответствующие возрасту и росту ребенка. Детские лыжи считаются лучшей игрушкой ребят. Дети устраивают лыжные состязания; на лыжах проводят многие охотничьи игры. Матери украшают лыжи маленькими узорами, под ремни подкладывают красное сукно, иногда даже окрашивают лыжи в красный цвет. Подрастая, мальчик учится сам делать себе лыжи, а готовясь к промыслу, обтягивает свои лыжи камысами, т. е. подклеивает под них кожу со лба и ног оленя, как это делают старшие, уходя на большое расстояние. С этого момента лыжи перестают уже быть игрушкой²⁰.

Стремление к участию в охотничьем промысле захватывает мальчиков с неудержимой силой. Оно выливается в целый ряд «охотничьих» игр и игр-драматизаций, направленных на освоение искусства охотника и на познание самого животного, его качеств и повадок. Разыгрываемые детьми сценки изображают действия уток на озере (утки пьют, ныряют, крикают, улетают), поведение белки в лесу, нерпы на берегу моря и т. д. В играх-драматизациях дети часто пользуются игрушками-бутафориями вроде шкурок животных, заячьих лапок, оленьих рогов, птичьих крыльев и лап. Г. Старцев упоминает об игре ненецких детей, когда они, держа в руках крылья гусей и уток, бегают и машут ими, подражая полету птиц²¹. Играя «в оленя», дети, изображающие животных, часто держат над головой оленьи рога.

Дети казымских хантов и сосвинских манси используют эти игрушки и в спортивно-охотничьих играх. Так, на дереве запрягивается одним из участников игры шкурка с беличьей головки («белка»), которую другой должен найти и сшибить, выстрелив из лука стрелой «томар». С этой же целью запрягиваются и крылышки птиц, причем так искусно, что создается впечатление живой, притаившейся птицы.

²⁰ На лыжах обычно проводится детьми такая любимая у хантов и манси игра, как «погоня за зверем». Место для игры выбирается покрытое кустарником, усложняющим погоню. «Зверь» бывает «зайцем», «лосем», «медведем», «лисицей». В зависимости от наименования зверя складываются и условия игры. Так, «заяц» бежит кругами и, сделав определенное число кругов, считается «убежавшим», если «охотник» его не поймал. «Лисице» разрешается прятаться, путать след, пока она не доберется до заранее условленной «норы», где считается в безопасности, а охотник ее поймавший ее, — «плохим». «Лось» бежит по прямой линии, лишь изредка ломая ее, стараясь достичь определенного места раньше, чем его настиг «охотник». «Медведь», наоборот, далеко не бежит, а прячется в кустах, и если видит, что «охотник» его заметил, то сворачивает прямо на него с громким ревом. Между «медведем» и «охотником» завязывается борьба, и выигравшим считается тот, кто победит. Игры эти проводятся и летом, когда можно прятаться в зарослях кустарника или молодого березняка.

²¹ Г. Старцев, Самоеды, Ин-т. нар. Севера, 1930, стр. 142.

Эти игрушки возбуждают фантазию ребенка, облегчают возникновение в его сознании образа животного, обогащают игру и связанные с нею творческие эмоции

Взрослые, поощряя охотничьи игры, охотно отделяют от убитого животного части, годные для игры. Только в тех случаях, когда убивалось почитаемое животное, например медведь, детям не позволялось играть частями его шкуры, когтями, костями или зубами. Эти частицы считались священными и служили в качестве оберегов²². В играх детям запрещалось смеяться над медведем и другими почитаемыми животными. Дети хантов и манси часто сами являлись участниками празднеств, устраиваемых в честь медведя²³, и рано начинали подражать взрослым. Игры-драматизации, направленные на изображение главным образом промысловых животных, в существе своем хранили традиции драматических действий, ведущих свое начало со времен первобытного человека, магия которого была направлена на размножение птиц и животных и овладение ими.

Теперь, когда на Север проникла социалистическая культура, и после того, как советская власть добилась восстановления и развития промыслов, технически оснатив их и организовав крепкое социалистическое хозяйство, отпадают пережитки древних магических обрядов. Медвежий праздник утерял уже свое религиозное значение. Игры-драматизации детей освобождаются от традиционных запретов, широко содействуют выявлению способностей детей, активному отношению к труду и пониманию окружающей природы.

Основным и запасным капиталом кочевых оленных народов являлись их стада, от сохранности которых зависело благополучие кочевников. Оленеводство, более развитое у ненцев, повидимому, было заимствовано у них хантами и манси²⁴. Очевидно, этим объясняется общность игр «в оленя», широко распространенных у всех обских народов. Все варианты этих игр в основном направлены на тренировку физических качеств оленевода: умения набросить аркан на выбранного оленя, часто на расстоянии нескольких сажен; умения ловить бегущего оленя, набрасывая петлю на бегу; умения скрадывать дикого оленя на охоте и т. д. Дети из этой игры создают целую инсценировку. Они мастерски подражают оленям движениями, голосом. В разных вариантах игры «олений» преследуют и ловят или «охотники», или «пастухи». Дети помладше изображают собак, с лаем сгоняющих разбегающееся стадо. Игра «в оленя» так захватывает участников, что продолжается иногда несколько часов подряд. Обские народы всячески поощряют внимание ребенка к оленю: делают игрушки, знакомящие ребенка с промыслом. дают в игру отдельные части убитого оленя — копыта, зубы (в виде погремушек), куски шкурки, рога, поощряют детей делать изображения оленей (рис. 7)²⁵.

Большого мастерства требует управление оленьей запряжкой, выделка упряжи и нарт, отличающихся разнообразием конструкций, в зависимости от их назначения. Уже с 7—8-летнего возраста ребенок при-

²² Культ медведя как зверя огромной силы был широко распространен у народов Сибири и имел чрезвычайно древние корни.

²³ А. Каннисто пишет о манси (вогулах): «роль животных (на медвежьем празднике), как-то: лошадей, коров, собак, зайцев исполняют маленькие медьки в масках» (О драматическом искусстве у вогул. Материалы по изучению Пермского края, вып. 4, 1911, стр. 26).

²⁴ В. Н. Чернецов, Термины средств передвижения в мансийском языке, «Сб. памяти Богораза», 1937, стр. 349.

²⁵ Характерно для всех оленных народов: дети-эвенки вырезают оленей из бересты и играют в бабки, изображающие оленей. Бабки-олени есть у эвенков; дети долган делают оленей из тальника, шевок, камней, бабок, спичечных коробок; дети чукок, коряков и других народов Севера играют также изображениями оленей из кости, сделанными как самими детьми, так и взрослыми.

учается самостоятельно запрягать оленей и править запряжкой; кроме того, в руках детей находится ряд игрушек, облегчающих им овладение ремеслами, необходимыми в промысле: набитые волосом хомутики, костяные недоуздки, упряжь из кожи, сукна или тряпочек, нарточки самых разнообразных размеров (рис. 5, 8, 3).

Девочка с раннего возраста имела свой тынзей (аркан), свои нарточки, в которые сама запрягала оленя, когда ездил за водой или за дровами; мальчик же с 10—11 лет становился самостоятельным пастухом и уходил со стадом на пастбище. Он помогал отцу перевозить грузы, чинить большое количество упряжи, делать нарты, ходил с отцом на охоту за диким оленем. Овладеть каждым из этих умений детям помогли игра и игрушка.

Большой удельный вес речного рыбного и морского зверобойного промысла в экономике обских и других народов Севера заставил тщательно передавать детям технику и этих промыслов. В игрушках детей есть множество вещей, приобщающих их к рыболовному промыслу: сети из кусков мережи, удочки с крючками, сделанными из дерева, кости (а теперь и из булавок и гвоздиков), деревянные лодочки, весла, вешала для присушки неводов и вяленья рыбы, ловушки для рыбы — небольшие плетеные из прутьев морды, гымги (9—10). Игры, связанные с этими игрушками, развертываются в инсценировки, в которых часто принимает участие большой детский коллектив. Это — игры «в неводьбу», в «разборку пойманной рыбы» и т. д.²⁶ Играют вместе и девочки и мальчики, причем в игре соблюдается разделение труда: мальчики — рыболовы, они пользуются своими промысловыми игрушками; «привезенную» рыбу они «делают»: лучшую — в колхоз, солить; худшую — сушить «для собак»; часть рыбы «оставляют» на питание «колхозников». Девочки в игре «чистят рыбу», подготавливая к сушке или засолу, готовят «варку» (вытопленный в котле жир из рыбьих внутренностей), готовят «чай» и еду для вернувшихся «рыболовов».

В игрушках детей теперь уже не встретишь старинной лодки, сшитой ивовыми прутьями, которой когда-то, по словам стариков, играли дети северных хантов. Школьников Советского Севера теперь интересуют более сложные лодки с мачтами и парусами, они хотят управлять «моторками». В 9—10 лет обский мальчик умеет отлично обращаться с лодкой, управлять ею, правильно грести и обеспечивает уход за ней. Дети ненцев не боятся океана, привычны к опасностям и рано начинают проявлять себя как смелые охотники на морского зверя²⁷.

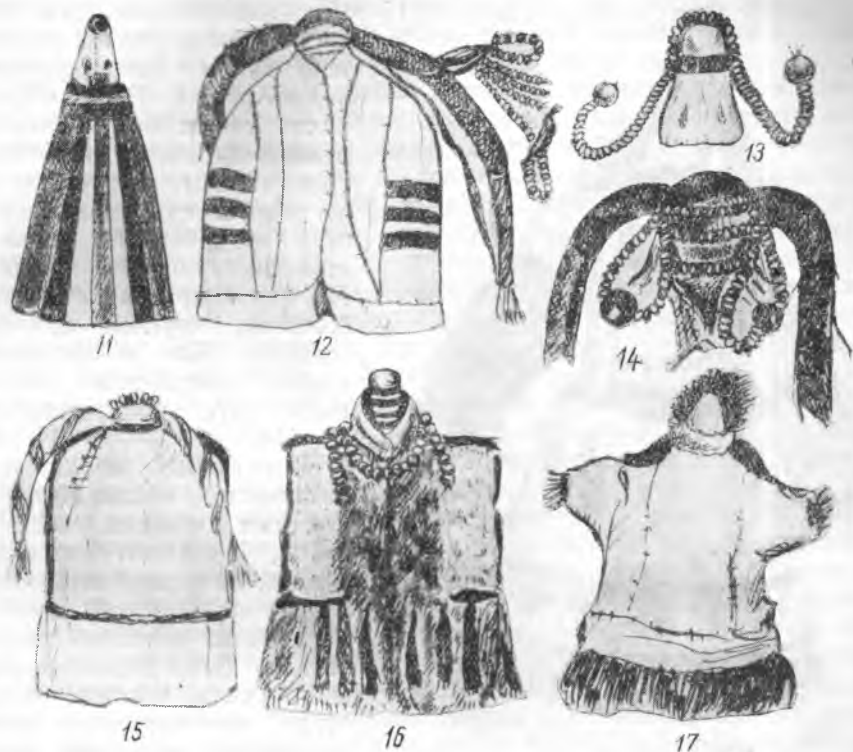
Рассмотрев эту группу игрушек и связанных с ними игр, мы видим, что их основным назначением является приобщение детей-мальчиков к труду отцов, физическое и трудовое воспитание будущего охотника, оленевода и рыболова, т. е. постепенная подготовка ребенка к пониманию основной экономической задачи — овладения животным, средством питания.

Игрушки девочек Обского Севера составляют вторую самостоятельную группу игрушек, внутри которой выделяются разделы: куклы, кукольный гардероб, кукольное хозяйство.

²⁶ Наблюдения автора в 1938 г. на Казыме и в Обдорске.

²⁷ Игрушки, подготавливающие детей к рыболовному или морскому зверобойному промыслу, известны и у других народов Севера; так, у чукоч, имеющих разные типы лодок, каюков, шкун, дети получают в игру лодочки, сложная оснастка которых передана с такой изумительной тщательностью, что ребенок по игрушке может узнать назначение каждого ремня, систему крепления частей, приемы обтяжки кожей; в игрушках детей народов Приморья имеются узенькие долбленные из тополя лодочки.

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с ненецкими куклами, что за период почти в 50 лет — с момента описания их, сделанного Финшем в 70-х гг. прошлого столетия²⁸, и до Великой Октябрьской социалистической революции — они совершенно не изменили своего вида. Ненецкая кукла предреволюционного периода, как и кукла 1875 г., состоит из половинки клюва с остатками шкурки водоплавающей птицы

11 — кукла с головой-клювом водоплавающей птицы; ненцы Я-мала, 1908 (колл. Житкова, № 54459, Музей народов СССР); 12 — тряпичная кукла манси; 1885 (колл. Гондatti, № 10, Музей народов СССР); 13 — голова куклы — клюв, украшенный бисером; остяки Березовского уезда, 1912 (колл. Терешкиной, № 4715 9/16, Музей народов СССР); 14 — голова мансийской тряпичной куклы с полосками бисера на лице; Сосьва, 1907 (колл. Иловайского, № 36, Музей народов СССР); 15 — кукла-мужчина; ханты, 1914 (колл. Шухова, № 2383—107, Музей антропологии и этнографии АН СССР, Ленинград); 16 — кукла-женщина; казымские ханты, 1936 (колл. Прытковой, № 5541, Музей антропологии и этнографии АН СССР); 17 — кукла-мужчина; ненцы Березовского уезда, 1912 (колл. Терешкиной, № 7487, Музей народов СССР)

(чаще утки). Клюв заменяет голову кукле, а на шкурку нашивается кусок цветного сукна — тело куклы. Место соединения сукна с клювом обертывается кусочком материи наподобие воротника. Ни лица, ни ног, ни рук ненецкая кукла не имела (рис. 11). Поверх безрукой и безногой фигуры накидывалась меховая кукольная одежда и опоясывалась пояском (рис. 17, 18).

Пол ненецкой куклы, так же как кукол хантейских и мансийских, определялся мужской или женской одеждой и наличием накосных украшений у куклы-мужчины. В качестве возрастной группы выделялись куклы-дети для игры с игрушечной колыбелью. Размер кукол от 5 до

²⁸ О. Финш отметил, что лицо куклы замевается клювом утки-морянки (Путешествие в Западную Сибирь д-ра О. Финша и А. Брэма. М., 1882, стр. 472).

20 см. Таковы куклы колгуевских, ямальских, обдорских и березовских народов. Так же делали своих кукол ненцы Большеземельской и Мало-земельской гундры, печорские и архангельские ненцы. Неодетая кукла обдорских остяков, как и ненецкая, состояла из лобной части птичьего клюва со шкуркой, но покроей одежды был остяцкого типа. Своеобразной формой отличались куклы березовских и казымских остяков. Пошивка лица куклы являлась довольно сложным процессом: лицо состояло из целого ряда цветных полос (до 15—16), концы которых завертывались в тряпки, чтобы удлинить тело куклы. Затем уже одевалась шубка. Таким образом, кукла также получалась безрукой, безногой и безликой (рис. 15, 16). Вогульские куклы тоже имели свои особенности. Уже в 80-х гг. прошлого столетия туловище куклы делалось из тряпок с довольно большой, круглой тряпчатой головой. Как и предыдущие куклы, вогульская кукла не имела рук, ног и лица (рис. 12, 14).

18

18 — кукла-женщина в меховой одежде; ненцы Я-мала 1908 (колл. Житкова, № 54—448, Музей народов СССР)

Безноготь, безрукость и безликость, являющиеся основными чертами всех этих кукол, выявляют тенденцию скрыть, замаскировать характерные черты человеческого тела. Замена детально разработанного изображения человеческого тела простым куском сукна или свертком тряпок, лишенным рук и ног, замена человеческого лица птичьим клювом или зачеркивание лица полосами и нитками — не случайное явление, а вполне сознательное установление формы куклы, обусловленное мировоззрением обских народов. Сознательный увод куклы в сторону от человеческого изображения являлся вполне понятным актом со стороны человека — анимиста, боявшегося слишком подробной разработкой изображения одухотворить, очеловечить куклу и этим самым допустить соприкосновение детей в игре с вещью, наделенной сверхъестественной силой. Безликость, безрукость и безноготь кукол Обского Севера являлись не чем иным, как религиозными запретами на изображение лица, рук и ног²⁹. Кукол же, имеющих руки, ноги и лицо, обские народы приобретали у русских и зырян и почитали как изображения священных³⁰.

²⁹ Подобные запреты, распространенные на куклу, находим у целого ряда народов: якуты боялись делать кукол из дерева и давать детям в игру человеческую фигуру; эвенки, долганы, ойроты и др. делали кукол из бабок. Кеты заменяли тело куклы костью белки или глухаря. Удмурты делали куклу из трехногого сучка. Узбеки перечеркивали лицо тряпчатой куклы во избежание ее возможного оживления. — Т. 1.

³⁰ Н. Л. Гондатти, Следы языческих верований у маньзов. Труды этнографического общества любителей естествознания, археологии и этнографии, кн. 8, 1887.

Многие источники указывают, что у народов Сибири пережитки матриархата сохранялись очень долгое время. Характерный для этой эпохи культ женского божества на Обском Севере выразился в почитании «золотой бабы», или «золотой богини», «богини-матери», на поклонение которой еще в XVII в. стекались остяки, вогулы и самоеды. Женские божества являлись в представлении обских народов зачинаемцами и охранительницами фратрий, рода, семьи. По верованиям манси и хантов, прародительница фратрии «Мось» Калташ давала душу ребенку, следила за рождением детей. Из призывной песни о Калташ узнаем, что она имела птичий образ, точнее образ гуся³¹.

По древним верованиям, птица являлась крылатым духом, связующим землю и небо. Ненцы посвящали изображения птиц свету (дню), а «свет» и «день» — синонимы жизни. Золотая птица Таукси, которой вместе с вогулами поклонялись остяки и ненцы, имела образ лебедя или гуся и пользовалась не меньшим почитанием, чем ее современница «золотая баба». «Золотая баба» — «золотая птица» — «золотой гусь» — «Калташ-эква», повидимому, идентичны; в призывной песне о Калташ говорится: «на спину зверя со спиной садится, в хорошем образе золотого гуся садится»³². Женщина-птица является источником света, источником жизни. Душа, которую она дает ребенку, — частица ее неиссякаемой жизненной силы. Душа — бессмертна. «Душа, — указывают Харлампович и Павловский, — под которой нужно, кажется, разуметь жизненную силу организма, после смерти переходит в тело рождающегося младенца того же рода, а если род прекратился — в младенца другого рода и даже другой народности»³³.

Отсюда — цепь отождествленных понятий: женщина — птица — жизнь — душа, образно отраженных в фольклоре. В сказке васюганских остяков «солнцева дочь» превращается в лебедя³⁴; в остяцком сказании об Ун-Урте говорится: «Пришли три лебедя, сбросили лебединые шкуры и стали тремя девками-красавицами»³⁵; на медвежьем празднике актер, играющий девушку, говорит отцу: «Лучше бы ты собственным топором вынул из меня мою воробьиную душу, мою душу сойки»³⁶. Подобное связывание образа птицы с понятиями о душе, жизни, детстве и плодородии не является характерным лишь для народов Обского Севера, но присуще и целому ряду народов. Так, например, долганы называли птицу «далбаки» душой ребенка и запрещали убивать ее³⁷. Маньчжуры чтили утку как символ семьи — «эмблему супружеской четы»; понятие о душе связывали с птицей народности амурского бассейна³⁸ и т. п.

Культ женщины-богини на Обском Севере значительно утеряти свое значение к началу XVIII в. Патриархальный строй содействовал развитию пантеона мужских божеств, покровительствующих промыслам, ведающих птицей, рыбой или зверем. Женские культовые изображения постепенно теряют свой образ «матери-богини», ранее философски обобщавшей представления о жизни и душе, и сводятся на роли домашних пенатов; таковы, например, ненецкая «чумовая старуха», покрови-

³¹ В. Н. Чернецов, Фратриальное устройство обско-югорского общества. «Советская этнография», II, Л., 1939.

³² Там же, стр. 30.

³³ В. Павловский, Вогулы, Ученые записки Казанск. ун-та, 1907, стр. 136; К. Харлампович, К вопросу о погребальных масках. Изв. Об-ва археологов и истории при Казанск. ун-те, т. XXIII, вып. 6, 1908, стр. 473.

³⁴ Н. П. Григоровский, Описание Васюганской тундры, 1884, стр. 92.

³⁵ П. Лопарев, Сказание об Ун-Урте. «Наш край», 1924, № 1, стр. 4.

³⁶ А. Каннисто, О драматическом искусстве вогул. Матер. по изучению Пермского края, вып. IV, 1911, стр. 30.

³⁷ А. А. Попов, Семейная жизнь у долган, «Советская этнография», 1946, № 4, стр. 58.

³⁸ С. В. Иванов, Орнаментированные куклы ульчей. «Советская этнография», 1936, № 6, стр. 65.

рожденная роженицам, «покровительница юности» у аганских самоедов. Остяцкая богиня Зонгет, «бабий бог». На женщине лежала забота о семье, охроне домашнего очага; в решении такой важной задачи, как сохранение потомства, она прибегала к помощи божеств-покровительниц. То же встречаем и у других народов, сохранявших пережитки матриархата: девушки-якутки спрашивали плодovitость у сделанного из тряпок изображения женского божества Аясыт; женщины алтайских тюрков в качестве покровителей плодородия имели изображения духов — предков эмегендеров и орекеннеров³⁹. Плодородности девочки, будущей матери, должна была содействовать и игра в куклы («подобное вызывает подобное»): у удмуртов сохранилось представление, что безликая кукла из сучка-треножника с детской люлькой за спиной приносит девочке семейное счастье; куклы чукок, по словам В. Г. Богораза, считались «не только игрушками, но отчасти и покровителями женского плодородия»⁴⁰.

В этом свете становится понятным, что ненецкая кукла с утиным клювом не случайна, и если в представлениях обских народов птица — гусь — утка символизировала женщину — деторождение — плодородие, то подобная кукла, через игру с ней девочки, была наделена функцией содействовать плодородности последней.

Куклы с утиными головами были у обдорских остяков; в коллекциях Музея народов СССР найдены остатки куклы с утиным носом, принадлежавшей березовским остякам, с сохранившимся головным бисерным убором и остатками сухожилий, которыми была пришита одежда (рис. 13). Куклы с утиными головами сохранялись на Салыме и на Васюгане. Факты эти указывают на то, что кукла хантов имела те же стадии развития, однако ее синкретическая стадия существовала недолго и лишь в немногих местностях дожила до нашего времени. В большинстве же остяцких юрт мы находим кукол следующей стадии, в виде примитивной человеческой тряпичной фигуры, с явно выраженными запретами на лицо, руки и ноги. Что касается манси, то мы не нашли доказательств, что куклы с утиными головами у них были. Учитывая общность верований и исторического развития обских народов, можно предположить, что синкретическая стадия с ее антропоморфным образом куклы-птицы, являвшимся пережитком верований эпохи матриархата, существовала у манси, как и у хантов, очень недолго и под влиянием культуры русского народа уступила место следующей стадии; известно, что манси были одним из первых народов, подвергшимся христианизации, одни из первых начали перенимать у русских поселенцев их культуру.

Ненцам, кочевавшим по тундре на дальние расстояния, разрешено было «родившихся младенцев не приносить тотчас же в церковь для совершения над ними обряда крещения»⁴¹; им чаще удавалось ускользнуть от внимания миссионерских отрядов. Нетерпимо относились ненцы и к остякам и вогулам, воспринявшим христианство. Стремлением самоедов к сохранению их верований, отдаленностью их от очагов русской культуры, повидимому, и объясняется длительность синкретического периода ненецкой куклы.

Лишение ребенка возможности играть с человеческим изображением компенсировалось подробной разработкой другой составной части куклы — ее одежды. Подборка материалов — меха, лоскутов, лент, бисера, и бус, детализировка накосных украшений производились настолько тщательно, что одетая кукла становилась живым отражением человека,

³⁹ Н. П. Дыренкова, Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков. «Сб. памяти Богораза», Акад. Наук, 1937, стр. 123—147.

⁴⁰ В. Г. Богораз-Тан, Чукчи, т. II, изд. Севморпуть, 1939, стр. 69.

⁴¹ Иславян. Самоеды в домашнем быту, 1847, стр. 120.

доступным пониманию ребенка, удовлетворявшим его игровые требования и наталкивающим его на активную игровую деятельность.

Девочка у обских народов имела короткое детство, кончавшееся к 12—13 годам, т. е. к возрасту, в котором ее выдавали замуж; за этот короткий период детства она должна была освоить целый ряд женских умений: выделку оленьих постелей, камыса, замши, птичьих и звериных шкурок, рыбьей кожи, пошивку одежды и обуви, плетение циновок из травы, выделку берестяной утвари и т. п.

Из фольклора обских народов видно, что женщины-хозяйки пользовались большим уважением и что особенно высоко ценилось женское умение шить, поскольку одежда в условиях севера имела большое значение. «Богатырь остяцкий гордится, если у него есть рукодельница-дочь, держащая иглу в концах пальцев»⁴². Про вещь, искусно сшитую, в вогульской сказке говорится: «то ли иглой зашито, то ли клеєм склеено. Шва не видно, и от иглы следа нет»⁴³.

По игрушкам девочки, по качеству ее ранних работ жених судил об умениях невесты. Считалось, что девочка, умеющая хорошо делать игрушки, будет в будущем хорошей хозяйкой и мастерицей. Куклы обских девочек имеют богатый гардероб; кукольное хозяйство — берестяная посуда, люльки, спальные мешки, колотушки для трепанья оленьих сухожилий, скребочки для выделки кожи, ступки и пестики для толчения порсы (муки из сушеной рыбы) и пр. — достаточно богато для того, чтобы передать девочкам основы женского труда, готовить будущих матерей и хозяек.

Переход к социалистическим формам труда повлек за собой и колоссальный переворот в миросозерцании обских народов (как и других народов охотничьей культуры). «Нужно ли особое глубокомыслие, чтобы понять, что вместе с условиями жизни людей, с их общественными отношениями, с их общественным бытием изменяются также и их представления, взгляды и понятия, — одним словом, их сознание?»⁴⁴ Эти изменения в сознании обских народов как нельзя лучше прослеживаются на куклах послереволюционного периода: куклы всех трех народов постепенно сбрасывают старые религиозные запреты, обретают новые художественные формы: полосы на лицах хантейских кукол, спускаясь на шею, принимают форму шейных украшений, очищая лица кукол⁴⁵; мансийская кукла освобождает лицо от бисерных нитей; отпадают древние тяжелые накосные украшения, одежды кукол обогащаются яркими цветными русскими тканями, под шубками видны платья с отделкой из цветных лент, у кукол-мужчин и женщин появляются руки и ноги. Ненецкие куклы, остановившиеся до революции в своем развитии на синкретической стадии, теперь прошли стадию примитивной человеческой фигуры с запретами, стадию, на которой долгое время до революции стояли куклы манси и хантов (рис. 19, 20, 23).

Последним этапом в отживании запретов нужно считать «прозрение» кукол, доказывающее, что с них снят самый тяжелый запрет, запрет на глаза (с которым связывалось полное оживление изображения), т. е., что сознание человека Обского Севера освободилось от веками связывавших его религиозных представлений (рис. 21, 22, 24). Вместе с запретами отмирает и функция содействия плодородию. Советская действительность школами, больницами, заботой о роженицах, о детях на

⁴² С. Патканов, Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям, СПб., 1891, стр. 51.

⁴³ В. Чернецов, Вогульские сказки, стр. 75.

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, Госполитиздат, 1948, стр. 76.

⁴⁵ Пользуюсь случаем принести свою благодарность Н. Ф. Прытковой, любезно предоставившей мне ряд ценных материалов и сведений по быту детей хантов. А. П.

фактах доказывает несостоятельность прежних верований, перековывает сознание людей.

В послереволюционный период дети через игры в куклы осваивают новую жизнь обитателей Севера. Куклы участвуют в длительных представлениях, которые разыгрывают девочки, наблюдающие жизнь с большой жадностью. Темой игр являются школа, работа культбазы, кооперация, больницы, коллективный труд в колхозном хозяйстве. В новом

19 — кукла ваховских хантов, 1930 (собрание Н. Ф. Прытковой); 20 — куклы-мужчины; ханты, 1935 (по Обертгаллеру); 21 — голова тряпичной куклы; сосьвинские манси, 1937; 22 — голова тряпичной куклы; ненцы, Сале-Хард, 1937; 23 — куклы казымских хантов, 1937; 24 — куклы березовских хантов, 1937 (собрание автора)

быту кукла, лишившаяся древних запретов, становится фактором развития свободной, творческой игры, помогает ребенку не только в освоении техники домашних ремесел, но и в развитии сознания, присущего человеку нового социалистического строя.

Внутри каждой из рассмотренных групп мы находим игрушки, имеющие еще одно крайне важное назначение: на них лежит задача передать детям традиции национального бытового искусства. Поскольку это искусство сосредоточено на художественном оформлении вещи, то и игрушки эти представляют собой бытовые вещи в миниатюре, сделанные взрослыми с учетом игровых требований и возможностей ребенка, или созданные самим ребенком и художественно оформленные (реже — взрослыми, чаще — детьми) ⁴⁶.

Родители всячески поощряют раннюю изобразительную деятельность детей. Женщины дают девочкам в игру лоскуты с образцами орнамента и показывают, как технически выполнить его. При этом мать поясняет дочери значение фрагментов, открывает в них черты птиц и зверей, попутно вспоминает подходящую сказку, чем облегчает работу девочки. Угадывание животных форм в орнаменте и украшении собственных игрушек фактически превращают работу в игру, имеющую большое значение и дающую благотворные результаты для развития у детей художественного вкуса и умения.

Самостоятельно изготавливая предметы своего кукольного хозяйства, девочки перенимают от матерей традиции орнаментирования замши и меховой одежды, отделки платья аппликационным орнаментом из тряпочек и цветных лент, украшения одежды и обуви узорами из цветного бисера (рис. 25—31).

Богато украшены орнаментом берестяные игрушки девочек — ханток и манси. Даже пятилетние девочки пытаются изобразить на бересте подобие узора. Выделявая игрушечную берестяную и лубяную утварь, дети приобретают сознательное чувство формы, определяемой назначением предмета, и необходимости единства, слитности формы с орнаментом (рис. 26, 33).

Очень редко среди игрушек девочек ханток и манси можно теперь встретить образцы вышивки, которой как и ткачеством, почти перестали заниматься женщины. На Севере теперь широко пользуются фабричными тканями, покупной одеждой; все реже можно встретить и старинные узоры, на вышивание которых женщины тратили раньше целые месяцы.

Разделение труда у обских народов провело острую грань между искусством женским и мужским. Мальчик приобретал навыки резьбы по твердым материалам и применял их для украшения своих личных предметов и художественной отделки игрушек (колчаны, стрелы, ножи, олени недоуздки и пр.) (рис. 5, 8, 32). Орнаментальные работы по дереву, рогу и кости у мальчика начинались позднее, чем у девочки, примерно в 9—10-летнем возрасте, когда он имел уже свои действительные промысловые орудия, оружие и свое снаряжение, которое по примеру отца стремился украсить.

Мы не находим у мальчиков Обского Севера ни игр, ни игрушек, прививающих им искусство обработки металлов. Литье украшений из олова и примитивное кузнечное дело давно угасли в Приобье, поскольку доставляемые русскими отличного качества металлические изделия исключили надобность в тяжелом труде примитивной обработки металла. Как видим, игрушки передают детям навыки лишь тех художественных ремесел, которые нужны еще народу и остаются в его жизни.

Советская школа обогатила ребенка целым рядом новых материалов, содействующих его художественному росту. Теперь дети Севера широко

⁴⁶ Передача традиций искусства с помощью игрушки — явление распространенное у народов Севера, Дальнего и Ближнего Востока, Поволжья и т. д.

Используют в своих работах карандаш, чернила, бумагу, краски и цветные карандаши. Советская школа, всячески расширяющая кругозор

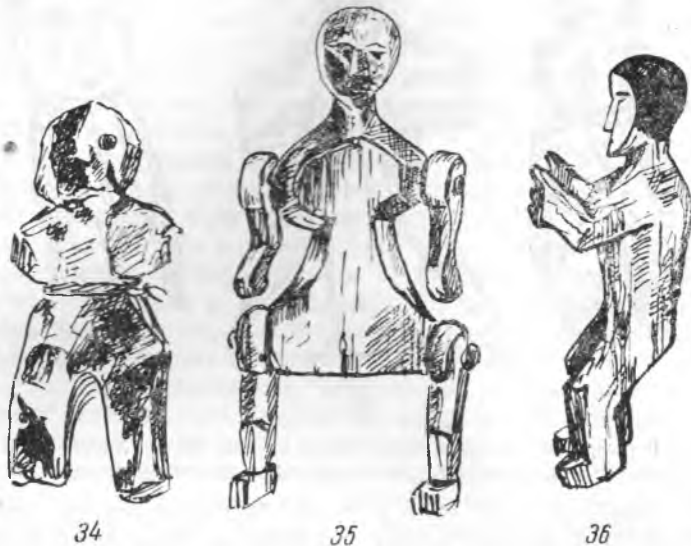

25, 31 — лоскутки с узором, шитым бисером; казымские ханты, 1937; 26 — берестяная игрушечная люлька; Казым, 1936; 27 — лоскуток замши, орнаментированный девочкой, используется при игре в куклы; Казым, 1937; 28 — узор, сделанный девочкой из кусочков черного и белого меха и сукна; ненцы, Сале-Хард, 1936; 29 — кукольный спальный мешок (внутри — кукла с головой из утиного клюва); Сале-Хард, ненцы (колл. 1864, Музей антропологии и этнографии АН СССР); 30 — узор из кусочков темного и белого меха с кантом из красного сукна, вшитый на кукольной шубке; ненцы Печерского края, 1908 (колл. Сумарокова, № 1231—40, Музей антропологии и этнографии АН СССР); 32 — орнаментированные ножны мальчика-манси (резьба по дереву); Сосьва, 1935; 33 — детская берестяная табакерка; Казым, ханты, 1937

ребенка, направляет и его художественную деятельность. Рисунки дошкольников динамичны. Темы их взяты из окружающей жизни и природы. Эти рисунки далеко ушли вперед от условности и схематизма

пиктографии, искусству которой учились в детстве их отцы,— они насыщены жизненной правдой, их основная черта — реализм.

Древние верования наложили свои запреты не только на изображение человека. До сих пор мы не встретились с изображением в игрушке таких животных, как медведь, волк, конь, пользовавшихся почитанием народов-анимистов. Изображения почитаемых животных считались священными и игра с ними запрещалась. Так, например, игрушечные медведи, завозимые на север нашими торговыми организациями, в первые десятилетия после революции еще покупались взрослыми хантами в качестве «священных» изображений. Перестройка мировоззрения обских народов, начавшаяся после Великой Октябрьской социалистической революции, привела к постепенному падению и этих запретов.

34 — кукла, вырезанная из коры; манси, Березов, 1937;
35 — деревянная кукла с подвижными руками и ногами; ханты Обского района, 1923 (колл. № 26/4, Музей народов СССР); 36 — деревянная кукла удэхе, полностью сохранившая форму идола; Приморская обл., район им. Лазо, с. Гвасюги (собрание автора, Музей игрушки)

Отмирание верований дало возможность детям широко использовать в игре и скульптуру-«подобия», ранее выполнявшие у взрослых роль фетишей. Дети сами прекрасно умеют находить в природе случайные формы, которые они легко ассоциируют с образами животных и человека, не видя в них ничего сверхъестественного. Ненужные более взрослым, они дают детям повод к самым изобретательным и творческим играм.

Эти факты еще раз убеждают в том, что мышление ребенка, вопреки утверждению некоторых буржуазных психологов и этнографов психологической школы, свободно от мистических представлений и не является носителем зародышей анимизма и антропоморфизма. Мышление ребенка исходит из наблюдений реальной действительности и направляет его действия на дальнейшее освоение различных сторон реальной окружающей его жизни. Анимистические воззрения общества, в котором развивался ребенок, прививались последнему взрослыми путем соответственного воспитания.

Верования, на протяжении веков державшие в плену сознание человека Обского Севера, не выдерживают натиска новой социалистической системы. То, чего не могли добиться от «идолопоклонников» миссионеры на протяжении двух столетий, совершается гигантскими тем-

идолы, без всякого насилия в течение двух-трех десятилетий нового советского строя. Идолы, хранившие традиции деревянной скульптуры от глубокой древности и дожившие до наших дней, теперь стали ненужными. Мы наблюдаем это не только у обских народов, но и у всех народов, застигнутых революцией на той же ступени развития, с одинаковым устройством общественной жизни, с верованиями, сохранявшими остатки фетишизма и анимизма. Везде, где происходит это замечательное явление, оно сопровождается другим любопытным явлением: идолы

37

38

39

37 — шаманское изображение человека из коры лиственницы; тунгусы; 38 — дух охранитель чукок; 39 — деревянный идол манси

неизменно оказываются в руках детей. Мы проследили это явление у народов Алтая, Обского Севера и Дальнего Востока. Изображение божества передается ребенку для игры лишь тогда, когда верования отжили и человек не боится, что бывшее божество будет мстить ему и его детям за допущенное «кошунство». Запрет на человеческое изображение снимается, и ребенок имеет полное право получить это изображение для своей игры.

Таким образом, человек, лишив изображение его идеологической сущности, передает в наследство детям лишь древнюю, узаконенную веками, художественную форму человеческой фигуры, от которой он не может еще отрешиться. Однако форма эта претерпевает целый ряд переделок, поправок, прежде чем попадает в руки детям (предусматривается игровой момент — делаются подвижные руки, ноги, добавляется цветность и т. п.) (рис. 34—39). «Всякая мифология, — говорит К. Маркс, — преодолевает, подчиняет и формирует силы природы в воображении и при помощи воображения и, следовательно, исчезает вместе с действительным господством над этими силами природы»⁴⁷.

В литературе мы находим неоднократные попытки исследователей определить «педагогические способности» и тенденции обских народов. Одно из самых ранних свидетельств о трудовом воспитании у ненцев мы находим у Ламартиньера (1653). «Женщины самоедские..., — писал он. — крайне слабосильны, но очень заботятся обучить своих детей ловкости на охоте, которою они живут»⁴⁸.

⁴⁷ К. Маркс. К критике политической экономии. Введение. Госиздат, 1930, стр. 81.

⁴⁸ Путешествие в Северные страны (1656 г.) П. М. Де-Ламартиньера, Моск. арх. вест. 1911, стр. 73.

Подобное же заключение, что игры детей вогул непосредственно готовят их к охотничьей практике, находим в свидетельстве архимандрита Платона (1792): «Самые малолетние других забав не имеют, как только стрелять из луков и бегать около юрт на лыжах, а возрастные всегда почти находятся в трудах на зверином и рыбном промысле, и так в стрелянии из ружей и луков, а при том и в бегании на лыжах за зверьями искусны, что редкий зверь от их с толиким проворством преследования избегнуть может»⁴⁹.

В 1847 г. Иславин заявил, что у самоедов «дети до 14 или 15-летнего возраста ничем не занимаются, разве только помогают родителям ерколтать (загонять) оленей или исправлять легкую работу, и считаются совершеннолетними только с того времени, когда в состоянии владеть луком, т. е. заниматься промыслами»⁵⁰.

Это утверждение осталось жить на долгие годы, не проверенное повторявшими его авторами⁵¹. Насколько оно необоснованно, видно из следующего замечания Г. Н. Прокофьева: «Промысел туземца — это великая и сложная наука, обучаться которой должно с раннего детства, так же упорно и длительно, как обучаются грамоте. Промыслу этому, со всеми его хитроумными мельчайшими деталями, туземный ребенок может обучиться лишь дома, под постоянным и длительным руководством своих опытных в этом деле сородичей»⁵².

Выше мы видели, что мальчик в 11—12 лет становился «добытчиком» и участвовал вместе со взрослыми в промыслах, следовательно, у него имелась уже подготовка к этой сложной науке. Ошибка некоторых исследователей заключалась в том, что они искали привычных им форм регулярного, систематического обучения и выпускали из виду, что основным фактором подготовки ребенка в раннем детстве к труду, требовавшему длительного, постепенного развития нужных качеств и привития специальных навыков у народов, не имевших письменности, могла быть и была игра, сознательно направляемая взрослыми и оснащаемая ими соответствующими действительными игрушками. Игрушки-модели как нельзя лучше служили пособиями при примитивных формах наглядного обучения обращению с оружием и орудиями труда.

Свое «педагогическое credo» обские народы прекрасно обосновали в мифах о происхождении мира: Нуми, сотворив из сосновых сучьев оленей, рыб, птиц и зверей, показал людям, как делать снаряжение, лыжи, нарты, — все полезные вещи. «Затем, указав на то, что у них будут дети, он приказал их приучать к охоте за зверем, птицей и рыбой и передать все то, что они слышали от него»⁵³. Отсюда внимательное отношение взрослых к ребенку, к его играм и игрушкам.

Советская наука о психологии говорит: «Только на основе личного опыта восприятия ребенка никогда не достигли бы того уровня, который необходим для адекватного познания окружающей действительности. Личный опыт ребенка строится на базе общественно-исторического опыта, который усваивается ребенком»⁵⁴. Чем доступнее игрушка ребенку, чем яснее и шире освещает она ему окружающий мир, — тем шире игра с ней, тем больше удовольствия получает ребенок от игры, тем успешнее протекает у ребенка освоение окружающего мира.

⁴⁹ Платон, архимандрит, Краткие известия о Первобытных Чердынских вогулах. Российский Магазин трудами Феодора Туманского, ч. 1, СПб., 1792, стр. 73—74.

⁵⁰ Иславин, Самседы, стр. 123.

⁵¹ Так, в 1860 г. утверждение это из слова в слово повторил Лавров в своей статье «Зауральские финны» («Рассвет», т. 8, 1860, стр. 362).

⁵² Г. Н. Прокофьев, Три года в самоедской школе. «Советский Север», 1931, № 7—8, стр. 152.

⁵³ Н. Л. Гондатти, Следы языческих верований у маньчжур, стр. 63.

⁵⁴ К. Н. Корнилов, В. М. Теплов, Л. М. Шварц и др., Психология, изд. 2-е, 1941, стр. 124.

Само по себе удовольствие не является и не может являться самоцелью в игре. — последняя часто совмещает одновременно и положительные и отрицательные чувства: ребенку не все удается, он сердится на неудачи, иногда даже плачет, но упорно возвращается к игре, так как стремится достичь результатов в своих действиях. Поэтому очень часто удовольствие испытывается не в процессе игры, а в зависимости от ее результатов, т. е. в момент преодоления трудностей.

Но где же граница, отделяющая труд от игры, игру от труда? Почему некоторые действия ребенка с бытовыми вещами мы называем игрой, а последние — игрушками? Из числа бытовых вещей игрушками мы называем именно те вещи, которые в руках ребенка не служат непосредственно добыванию средств питания и общественнополезному труду, а лишь содействуют общему развитию ребенка и привитию ему полезных навыков в процессе игры. Так, например, лыжи вовсе не требуются ребенку для совершения каких-либо обязательных переходов; катанье с гор и прогулки в лес на лыжах не вызваны житейской необходимостью; но как только для мальчика наступает пора трудовой деятельности, лыжи-игрушки становятся ему более не нужными; лыжи, аркан, верши, нужные теперь для работы, должны отвечать всем требованиям промысла; это — уже не игрушки, а предметы первой необходимости, орудия, от качества которых зависит в большой степени благосостояние охотника.

По этому же принципу мы разграничиваем игру и труд ребенка. Игра есть основанная на подражании взрослым, самостоятельная познавательная творческая деятельность ребенка; труд его — общественнополезная деятельность. Когда мальчик бегает с луком и охотится на птичек и случайно попавшихся ему зверьков, — это игра, направленная на познание деятельности взрослых. Когда мальчик проверяет специально расставленные для ловли определенных животных ловушки и добыча его увеличивает благосостояние семьи и артели, это — общественнополезный труд.

Как видим из сказанного, игра, вопреки утверждениям Спенсера и Ферворна, служила и служит именно практическим задачам: она подготавливает ребенка к освоению труда. Опровергается и другое их утверждение, что игра «не служит никакому непосредственно жизнеохраняющему инстинкту»: игра служит физическому и интеллектуальному развитию ребенка и является стимулом утверждения жизнеспособности последнего, подводя его к овладению навыками и средствами добывания источников питания.

Опровергаем и третье положение, что «затрата сил на игру оправдывается полученным в игре удовольствием»: затрата сил на игру оправдывается приобретением качеств и навыков, содействующих жизнеспособности ребенка, удовольствие является результатом преодоления трудностей в игре.

«Люди не свободны в выборе того или иного способа производства, — говорит И. В. Сталин, — ибо каждое новое поколение, вступая в жизнь, застаёт уже готовые производительные силы и производственные отношения, как результат работы прошлых поколений, ввиду чего оно должно принять на первое время все то, что застаёт в готовом виде в области производства, и приладиться к ним, чтобы получить возможность производить материальные блага»⁵⁵. Это указание товарища Сталина помогает нам окончательно осмыслить и оценить значение и роль игры в жизни человеческого общества и подводит нас к определению социальных корней игры на основе сделанного анализа. Оно же позволяет нам

⁵⁵ И. В. Сталин, О диалектическом и историческом материализме, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, 1939, стр. 559.

до конца выяснить неточности в теории игры, выдвинутой Вундтом и принятой Плехановым.

Безусловно принимая первое положение теории Плеханова, что «игра есть дитя труда» и что «труд предшествует игре и определяет ее содержание», мы не можем согласиться с другим его положением, что возникновение игры определяется лишь «стремлением снова испытать удовольствие, причиняемое употреблением в дело силы». На основе всего изложенного выше считаем, что причиной возникновения и развития игры является не удовольствие, а потребность в исторической преемственности «характерного признака человеческого общества»⁵⁶ — труда.

Следовательно, труд предшествует игре и определяет ее возникновение, содержание и развитие (а не только содержание). Игра является основным фактором подготовки ребенка к труду, к освоению результатов производственной деятельности прошлых поколений. Игра стимулирует развитие у ребенка суммы качеств и навыков, необходимых в жизни каждого человеческого общества. Таковы, с нашей точки зрения, взаимоотношения игры и труда.

«Экономическая структура общества каждой данной эпохи,— говорит Энгельс,— образует ту реальную основу, которую и объясняется в последнем счете вся надстройка правовых и политических учреждений, равно как религиозных, философских и других воззрений каждого данного исторического периода»⁵⁷.

Наш анализ игр и игрушек обских народов показал, что духовная культура, равно как и материальная, имеет непосредственное влияние на развитие игры, форм и художественного образа в игрушке и что мировоззрение народа устанавливает игрушкам их функциональное значение. Следовательно, игра подводит ребенка к овладению материальными и духовными ценностями, т. е. культурой, созданной человеческим обществом в процессе его исторического развития. Игрушка, создаваемая взрослыми в связи с их педагогическими стремлениями,— это предмет, который должен, организуя и сопровождая игру, служить физическому и интеллектуальному развитию детей; предмет, который с раннего детства ребенка постепенно вводит его во владение материальной и духовной культурой человеческого общества.

Нам известно, что «на различных ступенях развития люди пользуются различными способами производства», что «сообразно с этим и общественный строй людей, их духовная жизнь, их взгляды, их политические учреждения — бывают различными»⁵⁸ и что «более высокие формы производства», последовавшие за первобытно-общинным строем, «привели к разделению населения на различные классы и тем самым к противоположности между господствующими и угнетенными классами»⁵⁹. Игры и игрушки обских народов дореволюционного периода являются характерными для общества эпохи распадающегося патриархального родового строя. Они передавали детям навыки мужского и женского труда, анимистическое мировоззрение, бытовое искусство; воспитывали физические качества; в их функции входили также охрана рода (через охрану и увеличение плодородных способностей девочки); охрана и умножение материальных благ потомства (игры-драматизации), по-

⁵⁶ «Где же мы находим характерный признак человеческого общества, отличающий его от стада обезьян? В труде». (Ф. Энгельс. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека, стр. 8).

⁵⁷ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1948, стр. 26.

⁵⁸ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 116.

⁵⁹ Ф. Энгельс, Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека, Госполитиздат, 1948, стр. 144—145.

образу в понимании игры и игрушки сохранялся еще первобытный магический элемент («подобное вызывает подобное»). Общность игрушек и игр обских народов с играми и игрушками других народов севера объясняется общностью экономики и общественного строя.

Развитие классов дает другое направление развитию игры, выдвигает новые требования к игрушке. Оно положило начало развитию игрушки технической и военной; игрушки для детей буржуазии и для детей бедняков. Игра и игрушка начинают служить классовым интересам, классовому воспитанию, передают детям идеологию своего класса. Так, будучи вызванными к жизни экономическими потребностями общества, игра и игрушка изменяются в связи с изменением этих потребностей и зависящего от них мышления. Великая Октябрьская социалистическая революция произвела колоссальный переворот в экономическом устройстве России. Она в корне изменила мировоззрение не только обских, но и многих других народов, которые испытали на себе гнет самодержавия. Мы видели, как постепенно освобождалось сознание обских народов от анимистических представлений и какие изменения испытала игрушка, сбросив с себя древние религиозные запреты; мы отмечали также, какое широкое развитие получили игровая и изобразительная деятельность детей, когда отмирающие анимистические представления перестали передаваться по наследству. Все это убеждает нас, что игра и игрушка не являются лишь только «зеркалом быта» народов. Они отражают экономическое устройство общества, его мировоззрение, экономический прогресс и вытекающие из него перестройку сознания и рост культуры, так как их основная функция — передача потомству результатов деятельности старших поколений, передача опыта их общественной жизни.